

Яков Кротов

**ТЫСЯЧА СЛОВ
ОБ ИСТОРИИ**

1 000 слов

ТЫСЯЧА СЛОВ ОБ ИСТОРИИ

История буквально есть рассказ о чём-то, но история не есть ни рассказ, ни «о чём-то». Противопоставляют историю как реальность, то, что было, истории как рассказу о том, что было. Это ложное противопоставление. Это у камней так: камень отдельно, геологическая история отдельно. У людей же слово есть и сама история, и об истории. Этим человеческая история, история людей (часто не очень человеческая, а иногда и прямо бесчеловечная) отличается от истории всего на свете.

Камень не может быть не камнем, человек может не быть человеком. Человек может не иметь истории, потому что человек может молчать. Человек может быть овощем, может быть камнем, да мы просто спим треть жизни как суслики спят. История есть возможность, а не что-то непременно. Чтобы быть человеком вообще нужно делать усилие, без усилия даже Дарвин превратится в обезьяну или Джека Потрошителя.

Большинство людей жили и живут безо всякой истории, душат свою историю и отрицают чужую. Менее всего это относится к так называемым «доисторическим» людям. Они «доисторичны» только тем, что жили до письменности. Их история не фиксирована. Но история у них была, и человеческая, и была жажда запечатлеть историю.

«Запечатлеть», «зафиксировать» не означает «остановить», превратить в мёртвый листок в гербарии исторической хроники. Наоборот, письменность помогает слову выжить. Причём письменность идеально свободна, она помогает выжить и слову правды, и слову лживому, и словам любви, и словам ненависти. Не всё, что зафиксировано — история. Более того: люди упорно используют свою способность говорить для лжи, то есть, для убийства речи как таковой, для анти-истории.

В наши дни, как и в любые другие, именно способность людей лгать подпитывает циническое отношение к истории. Мол, история есть всего лишь ложь, пост-правда, выдумки для развлечения окружающих к своей пользе. Или даже к общей пользе — например, ложь о прошлом сплотит людей в едином порыве к будущему.

Такой цинизм считает себя последним словом науки, но он всего лишь очередной штамп отчаяния, лени, злости, фиглярства. На самом деле история есть. История того, что есть на самом деле. История того,

что говорили люди — и как слова людей складывались в жизнь. В этом смысле история не есть одна из многих филологических наук, всё наоборот: история есть наука о речи, а уж все науки о языке это её разделы.

Язык есть мощное средство лжи, конечно, существует, именно это делает историю необходимой, но язык есть ещё более мощное средство разоблачения лжи, это делает историю возможной — и как науку, и как то, что наука изучает. Если бы люди только лгали, если бы всё было относительно, то человечество бы исчезло с лица земли, как исчезла бы и история.

В истории было очень мало истории. История в основном бывала историей чего угодно, но не людей: историей государств, историей войн, историей успеха или поражений. Это не вина историков: они лишь часть человечества, которое само боится знать себя, предпочитает знать всякие производные от себя институции. Историк рискует головой, поэтому многие историки стараются головой не рисковать, но всё же прогресс налицо: сегодня история дальше от лжи, чем большинство людей. Да и нет другого пути к правде и человечности, кроме истории — её проживания и её описания. Всё остальное — беспутство.

История уникальна, поскольку уникальны люди, а люди уникальны, поскольку общаются друг с другом. Могут общаться так, как не могут общаться камни и дельфины. А могут и не общаться — и тут начинаются такие невесёлые и бесчеловечные истории, что хоть вешайся. Но вешаться не надо, надо знать историю и быть историей, а для этого надо говорить и договариваться, слушать и слышать. Свобода человека не в том, что можно усесться в гордом одиночестве и от всех заизолироваться, а в том, что можно (нужно) общаться, не становясь рабом, а освобождаясь именно в процессе общения.

Первая история — Геродота — рассказывает именно о защите свободы греков собираться и разговаривать, от несвободы быть исполнительными рабами персидского царя. Геродот, конечно, словно не видит рабов у самих греков, считает само собой очевидным, что «варвары» или женщины не имеют таких же прав, как греки. Что ж, и это часть истории свободы, истории самих греков. Без свободы нет истории, а без истории невозможна свобода, история это кровь и плоть свободы.

История есть рассказ, а не показ. «Лучше один раз увидеть» вовсе не «лучше». У «виденного» недостаёт одной маленькой детали: слова.

Обезьян можно разглядывать, не обращая внимания на издаваемые ими звуки, человека — если надо выбирать — лучше слышать, чем видеть. Насколько человечество пока ещё далеко от взрослости, видно из того, что мы самодовольно подсчитываем объёмы информации, получая исполинские количества благодаря фото и видео. Количество же слов, речей, сочинений, которые заслуживают сохранения навсегда, ничтожно. Слово позволяет видеть невидимое, а главное, слово и есть собственно человеческое в человеке. Лучше один раз увидеть, да только главное невидимо.

Всякая «естественная», «точная» наука стремится к освобождению от человека, предпочитает язык математики, использует диалог для достижения результата, но сам результат желает видеть монологом. Не может быть многих учебников физики с разными физическими законами. Все попытки изготовить единый учебник истории или хотя бы одно крошечное событие описать «раз и навсегда» — вздорная, а то и опасная мечта. Представить историю человечества подобной истории вселенной не получится именно потому, что история есть точная наука, и точность требует помнить, что человек по сути не только объект, результат каких-то процессов, но ещё и нечто, постоянно усложняющее себя и других людей.

Любая «естественная» наука стоит перед труднейшей задачей разделения наблюдателя и наблюдаемого. История имеет дело с бесконечно более трудной задачей: рассказать о том, кто сам является рассказчиком, чтобы слушающий рассказ тоже начал рассказывать, и при этом не допустить лжи, распознать враньё, обуздать невероятный поэтический потенциал языка и переработать его в прозаичнейшую прозу. «Объект и субъект», «форма и содержание», — всё это примитивно сравнительно с «человек и человек». История на всех своих уровнях — от воспоминаний о прошедшем дне до многотомного исследования одного дня Васи Пупкина — есть осуществление способности людей не только общаться друг с другом, но бесконечно расширять это общение, преодолевая даже границы небытия, включая общение тех, кто ещё не родился, и тех, кто уже давно умер, кто никогда не мог слова сказать, и тех, кто не давал говорить другим. История есть рассказ о том, как всё было на самом деле — секунду назад и ранее, рассказ, ведущийся людьми, общение которых и есть главное дело человека, предмет, смысл и цель истории.

См. сайт Якова Кротова: yakov.works